

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ

На сценах многих театров страны с успехом идут спектакли по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие». Горьковские зрители знакомы с инсценировкой повести, сделанной в народном театре Дома культуры им. Я. М. Свердлова. Недавно этот спектакль поставил народный театр Дворца культуры автозавода. Теперь горьковчане имеют возможность познакомиться с новым сценическим вариантом этого произведения, созданным в Рижском театре русской драмы. Спектакль поставлен по инсценировке Ю. Любимова и Б. Глаголина, той самой, по которой создан и спектакль, идущий сейчас в театре на Таганке в Москве. Одна инсценировка и два разных постановщика: в Москве — Ю. Любимов, в Риге — А. Кац, два разных коллектива. Что привлекло их в небольшой повести Б. Васильева?

Повесть «А зори здесь тихие» не зря завоевала такую популярность, она аккумулирует в себе мысль, к которой пришла современная советская военная проза, мысль о том, что героическое на войне не существует как нечто самоценное, изолированное от военных будней, повседневного быта, что героиня — не над человеком, а в нем самом. Герои-

Васильева близки и понятны каждому, они живые, будничные. Повесть Васильева — аса в эти будни, часто даже чуть-чуть смешных, но эти будни — место действия большой человеческой трагедии. Гибнут пять юных, едва только начинающих свою жизнь девушек, гибнут под пулями, от ножей откоммандированных фашистов-диверсантов.

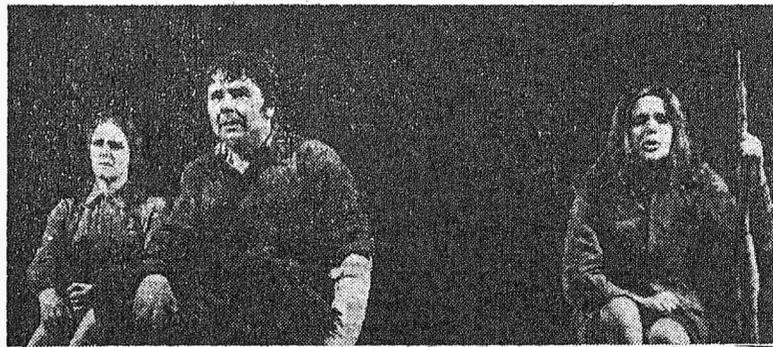
Инсценировка Ю. Любимова и Б. Глаголина выводит трагедию на передний план, заостряет ее. Спектакль театра на Таганке — это звучащая на высокой ноте трагедия безвозвратно потерянных жизней. Надо ли было рисковать этими пятью короткими девичьими жизнями, чтобы защитить Беломоро-Балтийский канал, ведь гибнут женщины, «будущие матери», — этот вопрос встает перед единственным оставшимся в живых участником развернувшейся трагедии, старшиной Васковым. Но еще раньше этот вопрос решили сами девушки, принявшие на себя непосильную тяжесть: «Родина не с канала начинается, а мы Родину защищали», — скажет перед смертью Рита Осянина, последний из бойцов старшины Васкова, последний кто и сам Васков, но не менее тяжела от этого понимания острая боль. Эта боль — главный эмоцио-

нальный стержень спектакля театра на Таганке. Театр с большой впечатляющей силой дает почувствовать зрителю всю тяжесть жертв, принесенных нашим народом во время последней войны. Исключительность ситуации — гибель женщин на войне — усиливает это чувство.

Спектакль Рижского театра кое в чем идет вслед за любимовской постановкой, но в целом он в ином стилистическом и смысловом русле. По стилю он скорее близок к повести Васильева, нежели к инсценировке Любимова. В ходе спектакля нет драматической взаимности, это неторопливый, лирический, даже и в сценах смерти, рассказ о буднях войны.

Вначале даже не верится, что все, что происходит на сцене, происходит во время войны, настолько добродушен юмор первых сцен спектакля. Но война — не за горами, она приходит и в этот тихий, мирный уголок. Внезапно вырастают на сцене фигуры гитлеровцев, звучит фашистский марш. Внезапно, словно попавшие в стоп-кадр, застывают герои. Усиливаются ощущение надвигающейся трагедии, но ритм обыденной жизни от этого не меняется. Не меняется он и потом, когда одна за другой погибают девушки-бойцы. Буднично и просто уходят они. В этой простоте — удачно найденное стилевое ядро спектакля.

Образ старшины Васкова, которого с большой любовью играет артист Е. Иванычев, — в центре постановки Рижского театра. Житейски мудр этот человек, сохранивший в себе

одновременно и доверчивость, и наивность почти ребенка. Подшучивают над ним девушки-подчиненные, а он как будто и не замечает этого, настолько он добродушен и бесхитроен.

Нежели запас его «научных» познаний, ограниченный четырьмя классами образования, да сведениями из уставов и постановлений. Но дело не в этом... Мудрость старшины — в его неискажаемой вере в победу добра во всем и в каждом («а фашист — это же не человек, это зверь!»). Эта вера — не его убеждение даже, а черта характера, неотъемлемое качество Васкова-человека. Но торжествует победу зло: гибнут все пять девушек... И уже на последнем исходе сил и человеческих возможностей Васков все же восстанавливает добро, он уничтожает убийц.

Е. Иванычев точно передает народность своего героя. Она проявляется во всем, вплоть до мелочей. И в главном: патриотизм для него не красное слово, это его собственное, природное свойство. «За спиной

моей — Россия моя. И я у нее сегодня последний сынок и заступничек», — скажет он, и вы не почувствуете в этих словах ни тени красноты или самолюбования. Просто выпало ему, Васкову, защитить Беломоро-Балтийский канал, кусочек Родины, и будьте спокойны, он это сделает, даже если для этого надо будет совершить нечеловеческий, богатырский подвиг. Вот эта надежность Васкова — наверное, главное его достоинство, достоинство героя низ народа, утверждаемое Е. Иванычевым.

Запоминающиеся образы лютых девушек-бойцов созданы молодыми актрисами театра Т. Мальченко (Рита Осянина), Л. Акинфиевой (Лиза Бричкина), Е. Солдатовой (Соня Гуранч), А. Шмаковой (Галла Четвертак), Г. Филимоновой (Женя Комелькова). Все ближе и роднее становится они Васкову... Тем тяжелее будет утрачено. «Почему вы, мужики, не убергли матерей!» — этот вопрос измучит Васкова, хоть он, в общем-то, и не виноват. Виновата война, виноваты вот эти сытые, без тени человеческого на лице фашисты, —

все это так, но никогда не простит себе старшина эти пять смертей, навсегда сохранит в себе горечь потери. И будет он гнать «фешинского зверя» до самого логова и там, в логове, будет бить их, «лично, каждого». Но и тогда не простит он себе тех смертей, таких уж он есть, старшина Васков. Чувство личной ответственности, личной вины за все нескороенно в нем, даже если обстоятельства снимают эту вину. И в этом так же чувствуется глубочайшая народность главного героя.

Спектакль Рижского театра русской драмы — это утверждение жизненной силы, народного характера. Через все действия проходит русские народные песни, это — лейтмотив спектакля, в них ощутимо народное, непобедимое.

Два разных спектакля, два разных решения. Каждый из театров увидел в повести Б. Васильева что-то свое, ему дорогое. Но разными путями и с разных сторон оба театра подошли к осмыслению величия и силы подвига, совершенного советским народом.

В. ВИКТОРОВИЧ

15 ИЮНЬ 1972

«ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА»
Г. ГОРЬКИИ